

Вполне вероятно в этой связи, что коричневатый слой, залегающий над черным, связан именно с концом первого этапа жизни на тамбо, а включения материковой глины в нем — с выкидом из ям второго этапа на площадке. Если это так, то на втором этапе не существовало деревянной платформы, в которой и не было надобности, так как вся постройка этого времени умещалась на площадке.

При такой реконструкции постройка второго этапа должна была носить не жилой, а хозяйственный характер и принадлежать обитателям другого тамбо, скорее всего тамбо № 3, расположенного ниже по склону, в непосредственной близости от тамбо № 4. Однако все вышесказанное о реконструкции построек на тамбо № 4, особенно на втором этапе его застройки, является не более чем гипотезой, которая тем не менее наиболее логично объясняет факты, выявленные в ходе раскопок.

Материал, найденный на тамбо № 4, нельзя распределить по двум четким группам. Он относится к культуре Сонсо, распространенной в Западной Кордильере в XIII—XVI вв. Она продолжала существовать здесь и после испанского завоевания¹³. Поэтому вполне закономерно сопоставлять археологические данные с приведенной нами в начале статьи информацией хроник. Такое сопоставление показывает, что эти два вида источников, при всей фрагментарности первых и отрывочности вторых, неплохо согласуются и дополняют друг друга.

Предложенная реконструкция жилища первого этапа застройки тамбо № 4 подтверждает и уже упоминавшееся предположение К. Ромоли о том, что «дома на деревьях», которые упоминаются в письменных источниках, в реальности — дома, стоящие на столбах. Но если колумбийская исследовательница имела в виду только «барбакоа» на тихоокеанском побережье, где свайные основания жилищ служили прежде всего защитой от воды, то в Кабо-де-ла-Вела опорные столбы платформ компенсировали крутизну склона, т. е. представляли собой приспособление к совершенно другой среде обитания. Видимо, именно об этой конструкции говорится у П. Сьесы де Леона, когда он описывает дома населения горных районов запада Колумбии.

¹³ Bray W., Moseley M. E. Archaeological Sequence from the Vicinity of Buga, Colombia//Nawpa Pacha, 7—8. Berkeley, 1968—1970. P. 89—94; Bray W. Pro-Calima. Archäologisch-ethnologisches Projekt im Westlichen Kolumbien//Südamerika, 1/1980. Basel, 1980. P. 2—3; Bray W., Herrera L., Schimpff M. Pro Calima. Archäologisch-Ethnologisches Projekt im Westlichen Kolumbien//Südamerika, 2/1981. Basel, 1981. P. 2, 17.

Т. А. Воронина

**ЗАБЫТЫЙ ПЛАКАТ-ЛУБОК
О Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЕ**

Стараниями нескольких поколений исследователей создана прочная основа для дальнейшей разработки научной биографии Н. Н. Миклухо-Маклая, углубленного изучения его научного наследия, для поисков ответа на ряд вопросов, связанных с жизнью и деятельностью ученого.

В последнее время в связи с подготовкой нового академического издания собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая появился ряд работ, которые вносят значительные дополнения к характеристике его многогранной деятельности, а также существенно уточняют отдельные факты биографии ученого и, таким образом, дают возможность по-новому осмыслить его вклад в науку, особенно в антропологию и этнографию¹. Но

¹ См., например: Тумаркин Д. Д. Папуасский Союз (из истории борьбы Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Новой Гвинеи)//Расы и народы. 7. М., 1977; его же. Из истории борьбы Н. Н. Миклухо-Маклая в защиту островитян Южных морей//Расы

поиски новых данных о жизни и творчестве русского ученого продолжают. И в этом отношении несомненный интерес могут представлять иконографические материалы о Н. Н. Миклухо-Маклае (фотографии, живописные² и графические его портреты), а также неизвестные ранее сведения о его популярности. Внимание исследователей все больше привлекают и такие материалы, в которых отразился общественный интерес к личности русского ученого-гуманиста. К их числу, несомненно, относится один из несправедливо забытых образцов раннего советского плаката «Русский на острове Новая Гвинея». Он был создан в 1923 г. известным советским художником А. Е. Куликовым (1884—1949 гг.)³.

А. Е. Куликов был мастером широкого творческого диапазона, сказавшим свое слово и в живописи, и в декоративно-прикладном искусстве, и в области книжной иллюстрации. Но особый интерес представляет его агитационная графика, созданная в первые годы Советской власти. Будучи сотрудником художественной секции Культпросветотдела Московского Совета солдатских депутатов, он создал серию плакатов в манере народной картинки, или лубка, соединив этот традиционный вид искусства, популярного в народе еще с XVII в., с высокопрофессиональным художественным исполнением. В 1917—1919 гг. были выпущены такие его плакаты на революционные темы, как «Крещение революцией», «Мало дано — много взыскивается», «Вдоль по Питеру» и др. В 1920-е годы Куликов создает целый ряд графических работ, в которых отразилась целая эпоха из жизни советского общества: создание колхозов, борьба с кулаками, ломка старого быта: «Егор да Лука! Добивай кулака — займом, колхозом, красным обозом!», «Лишний рубль скорей на займы — даешь трактор и комбайны!». Куликов удачно соединял фольклор с изобразительным материалом, часто вводя в композицию плакатов тексты народных песен, былин, частушек, поговорок и пословиц. Национальный колорит его работам придавало также изображение этнографических особенностей деревенского быта.

Что же касается плаката-лубка «Русский на острове Новая Гвинея», созданного Куликовым, то его появление в 20-е годы не было случайным.

«Вклад Миклухо-Маклая в науку — русскую и мировую — был признан его современниками, хотя значительная часть его научных материалов должна была очень долго ждать опубликования»⁴. По существу его труды (записки, дневники, рисунки) лежали в архивах и оставались практически не изученными. Как известно, архив Миклухо-Маклая был передан Д. Н. Анучину, который в течение ряда лет обрабатывал и постепенно восстанавливал рукописные материалы ученого, подготавливая их к публикации⁵. К сожалению, Д. Н. Анучин не увидел книги, которая вышла в свет в 1923 г., уже после его смерти⁶.

Удивительно совпадение года первой научной публикации дневников путешествий Миклухо-Маклая и плаката-лубка. Можно предположить,

и народы, 11. М., 1981; *Путилов Б. Н.* Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М., 1981; *его же.* Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешественник, ученый, гуманист. М., 1985; *Комиссаров Б. Н.* Ранние годы Миклухо-Маклая (К истории первого петербургского периода жизни)//Сов. этнография (далее — СЭ). 1983, № 1. С. 128—139; *Полевой Б. Н.* Находка полного текста записки П. Н. Назимова о Н. Н. Миклухо-Маклае//СЭ. 1986. № 1. С. 71—81; *Говор Е. В.* Н. Н. Миклухо-Маклай в воспоминаниях современников (забытые страницы)//СЭ. 1986. № 2. С. 110—118.

² См., например, *Гурецкий В. О.* Австралийская находка//Художник. 1973. № 8. С. 40—41 (о портрете Миклухо-Маклая кисти известного русского художника А. И. Корзухина).

³ См. о нем: *Днепровский М. М.* Художник Афанасий Ефремович Куликов. Калуга, 1955; *Шкаровская Н., Кузнецова Н.* Лубки Афанасия Куликова//Декоративное искусство СССР. 1980. № 7. С. 35—36.

⁴ *Рогинский Я. Я., Токарев С. А.* Н. Н. Миклухо-Маклай как этнограф и антрополог//Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. II. М.; Л., 1950. С. 738.

⁵ *Анучин Д. Н.* Н. Н. Миклухо-Маклай. Его жизнь, путешествия и судьба его трудов//Землеведение. 1922. Кн. 3—4. М.; Пг., 1923.

⁶ *Миклухо-Маклай Н. Н.* Путешествия. Т. I. Путешествия в Новой Гвинее в 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1880, 1883 гг. Со вступит. ст. Д. Н. Анучина «Н. Н. Миклухо-Маклай». М., 1923.

что естественным толчком к созданию плаката послужила эта публикация, а также непосредственный контакт Куликова с Анучиным (встречи, консультации). Однако нет никаких письменных и устных доказательств этого, и здесь неоценимую помощь мне оказали дочери и сыновья художника, бережно хранящие художественное наследие отца. По волеинаниям В. А. Куликова, сына художника, постепенно удалось воссоздать историю создания плаката. Оказалось, что Куликов знал о путешествиях Миклухо-Маклая намного раньше. Личность легендарного ученого глубоко волновала художника, он с большим интересом рассказывал своим детям (а их в семье было семеро) о смелом путешественнике, часто дополняя повествование своими рисунками, набросками и предварительными эскизами как внешнего облика ученого, так и загадочных жителей далеких островов — папуасов. При этом он не раз пользовался энциклопедическими словарями и различной популярной литературой, в которой сообщались сведения о Миклухо-Маклае и публиковались рисунки ученого. Так, от рассказа к рассказу и рождались у художника замыслы создания яркого, запоминающегося и понятного народу образа ученого, желание рассказать широкой аудитории о легендарном соотечественнике.

В 1919 г. Государственное издательство РСФСР стало контролировать издательское дело в стране⁷. Ряд постановлений и декретов («О политической пропаганде и культурно-просветительской работе в деревне», «О печати и пропаганде» и др.) способствовали началу ликвидации неграмотности. Куликов также был вовлечен в эту работу и с 1921 г. стал рисовать плакаты по заказу Госиздата. Позже он писал в своей автобиографической статье «Художник ли я?»: «С 1921 по 1923 год Госиздатом приобретены у меня лубки: „День работу работаем” (песня); „Я милешенок у матушки родился” (песня); „Частушки” (несколько картинок на одном листе), „Русский на острове Новая Гвинея” (Миклухо-Маклай)...»⁸.

Плакат, посвященный Н. Н. Миклухо-Маклаю, выполнен в технике цветной литографии⁹. Это лист большого размера (106×71 см), который состоит из «средника» — центральной, более крупной картинки (40,3×28,2 см) и 12 маленьких (23,8×14,5 см), окружающих ее подобно «клеймам» житийной иконы, на которых обычно изображались различные события из жизни канонизированного святого, т. е. он представляет собой композицию, широко распространенную и в иконописи, и в лубке. Художник использовал прием, типичный для гравюры на дереве начала XVIII в., — четкая контурная линия с отходящими от нее частыми параллельными штрихами¹⁰. Лист отпечатан в четыре цвета: красный, желтый, зеленый и синий — традиционные краски русской хромолитографической картинки конца XIX в. Трактовка пейзажа дана условно, перспектива подчеркнута искажена, а человеческие фигуры несколько стилизованы.

Каждая из 13 картинок сопровождается текстом, составленным художником (полный текст плаката см. в Приложении).

Сюжет исследуемого плаката, выполненного в стиле лубка, представляет краткую историю первого путешествия Миклухо-Маклая на Новую Гвинею в 1871—1872 гг., изложенную в стиле русской народной сказки, благодаря чему образ ученого приобретает черты лубочного сказочного героя. Как известно, героические подвиги легендарных богатырей русского эпоса и приключения героев народных сказок находили широкое отображение в лубке¹¹. Лубок XVII—XIX вв., включавший серию изоб-

⁷ Издательское дело в первые годы Советской власти (1917—1922). Сборник документов и материалов. М., 1972. С. 42, 119.

⁸ Афанасий Ефремович Куликов. 1884—1949. Русский советский лубок. Каталог выставки. Вступит. ст. М. Лазарева. М., 1978.

⁹ Плакат был выпущен в 1923 г. в Москве Госиздатом, тиражом 5000 экз. Исследуемый экземпляр хранится в научно-исследовательском отделе истории книги и особо ценных изданий (Музее книги) Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

¹⁰ Русские народные картинки XVII—XIX вв. Гравюра на дереве. Каталог выставки. Вступит. ст. А. Г. Сакович. М., 1970.

¹¹ Афанасьев А. Н. Русские народные сказки. Т. 1—3. М., 1984—1985 (с илл.); Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Т. 1—5. СПб., 1881.

бота А. Е. Куликова производит цельное и гармоничное впечатление, достигаемое единством стиля, художественного оформления и «фольклоризованного» текста.

Поскольку для нас интересно произведение в целом, хотелось бы проанализировать как отдельные «клейма» картинки, так и сопровождающий их рассказ.

На центральной картинке Миклухо-Маклай стоит, опершись на ствол пальмового дерева. Он одет в короткую рубаху, подпоясанную широким синим кушаком; на нем — полосатые штаны желтого цвета, на ногах — красные туфли и синие чулки. Тут нельзя не отметить именно лубочную раскраску его костюма, что и придавало яркий колорит всему плакату. В правой руке ученого — толстый красный карандаш, в левой — небольшая записная книжка. На траве лежат палка и широкополая шляпа. Справа от него — срубная изба на деревянных столбах с высоким крыльцом. Это очень любопытная деталь, так как, введя в композицию рисунка изображение жилища, художник еще больше подчеркнул связь создаваемого им плаката с житийной иконой. Только вместо привычного образа святого, как правило, изображаемого на фоне монастыря или церкви, появляется реальный человек. Общим фоном здесь служит пышная экзотическая растительность острова, которая, как и в традиционном русском лубке, изображена художником ярко и декоративно.

В ходе первоначального анализа иконографии графического портрета ученого возникло предположение, что автор плаката, вне всякого сомнения, использовал доступную ему научно-популярную литературу. Так, например, при жизни ученого в различных периодических изданиях — в газетах и журналах «Будильник», «Век», «Живописное обозрение», «Новое время», «Новости», «Петербургский листок», «Стрекоза» и др. — помимо сообщений о его текущей научной деятельности очень часто печатались фотографии, рисунки, даже карикатуры на Миклухо-Маклая, а также неоднократно публиковалась биография путешественника¹². И действительно, в ходе подробного изучения этих материалов удалось обнаружить, что в 1887 г. на страницах иллюстрированного журнала «Нива» появились рисунки художника Ф. Беренштама, «гравированные Ангерером, сделанные по наброскам Миклухо-Маклая»¹³. Среди них встречается портрет ученого в полный рост на фоне деревьев с надписью «Н. Н. Миклухо-Маклай в его новогвинейском костюме». Эту гравюру, выполненную, по-видимому, тем же художником, мы встречаем позднее в популярной книге Е. Е. Коротковой¹⁴ с подписью «Миклуха-Маклай в Новой Гвинее». Возможно, Ф. Беренштам в свое время воспользовался photographиями ученого, сделанными в первой половине 70-х годов прошлого столетия в одном из частных фотоателье Петербурга, на которых путешественник изображен в своем обычном экспедиционном костюме¹⁵. Подтверждение этому мы находим в статье Д. Д. Тумаркина, где впервые публикуется одна из таких photographий¹⁶. Интересно, что на ней мы видим ученого в той же позе с записной книжкой в левой руке, но вместо пышной тропической растительности, изображенной Куликовым на плакате, ученого окружают имитирующие живую природу деревья с небольшими ветвями.

Совпадение иконографического облика ученого на плакате Куликова и в книге Коротковой убеждает в том, что художник воспользовался

¹² Грумм-Гржимайло А. Г. Н. Н. Миклухо-Маклай на фоне современной ему эпохи // Изв. Гос. Геогр. об-ва. Т. 71. Вып. 1—2. М.; Л., 1939. С. 43—159.

¹³ Нива. СПб., 1887, № 15. С. 376, 377.

¹⁴ Короткова Е. Е. Замечательный русский путешественник, друг диких Н. Н. Миклуха-Маклай. (Библиотека И. Горбунова-Посадова, № 316). С. 21 рисунком. М., 1915. С. 12.

¹⁵ Оригиналы и копии этих photographий находятся в Архиве Всесоюзного Географического общества (фонд 6, опись 3, № 20), а также в Архиве Института этнографии АН СССР в Ленинграде (фонд № И-1230—13).

¹⁶ Тумаркин Д. Д. Великий русский ученый-гуманист (К 75-летию со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая) // СЭ. 1963. № 6. С. 5.

именно этой книгой как одним из основных источников для получения информации. Более того, при изучении книги становится очевидным, что Короткова в произведении популярного жанра (именно на них специализировалось книжное издательство «Посредник», выпустившее книгу в серии «Исторические и биографические очерки и рассказы»), обобщила многочисленные материалы о Миклухо-Маклае, публиковавшиеся в периодической прессе и специальных научных журналах.

Приведенные Куликовым под центральной картинкой краткие сведения об образовании Н. Н. Миклухо-Маклая и последующем пребывании его за границей и «за морями» в целом достаточно точны. Дается лишь устаревшее написание первой части его фамилии — Миклуха вместо Миклухо.

Картинка 1 изображает сцену прибытия корвета «Витязь» к гористому острову, сплошь заросшему тропическими деревьями. Миклухо-Маклай смотрит в подозрительную трубу. Здесь в подписи к картинке допущены некоторые хронологические неточности: в 1871 г. ученому исполнилось 25 лет, а не 23 года. После того как ученый «выпросил у богатых ученых людей денег» (т. е. получил поддержку Русского географического общества), он отплыл из Кронштадта не в мае, а 8 ноября 1870 г. и достиг острова действительно в сентябре 1871 г.

Ход дальнейших событий, которые комментирует художник в подписях под картинками, почти полностью соответствует реальным фактам, зафиксированным Миклухо-Маклаем в своих путевых дневниках. Правда, Куликов нарушает их последовательность, но это оправдано его стремлением придать большую занимательность всему повествованию. Так, если у Миклухо-Маклая в его записях мы читаем: «... в мое отсутствие показались опять туземцы и принесли с собою двух собак, которых тут же убили и оставили их трупы, в виде подарка, на берегу»¹⁷, то у Куликова (в тексте к картинке 2) «... из леса вышли черные голые люди со своим начальником во главе, несут кокосовые орехи и двух рыжих собак. Кладут все это на землю и собак хотят резать».

Интересно отметить, что изображаемые на плакате «черные» папуасы раскрашены синим цветом, а в дальнейшем иногда даже зеленым (!), а их «негроподобные» черты переданы явно утрированно. Видимо, художник хотел придать некоторую фантастичность этим неизвестным русскому народу племенам и сделать более экзотической их «дикарскую» внешность.

Надо сказать, что попытка Куликова сделать рассказ кратким и содержательным в общем удалась.

Таким образом, если в действительности первый визит ученого в «деревню» состоялся без каких-то особых событий¹⁸, то у Куликова (см. картинку 3) появление Миклухо-Маклая в «ихней» деревне дополняется сценой первого знакомства и последующего обмена подарками (бусами) с местными жителями («дикими людьми»), которые «в расплату за это» принесли двух связанных свиней.

Картинка 4 объединяет в себе два сюжета. Слева — знакомство дикарей с неизвестным им предметом европейского быта — зеркалом. Эту ситуацию, как и многие другие, художник изображает с большим чувством юмора. Справа на картинке — постройка хижины в Гарагаси судовыми плотниками. Но, судя по рисункам, сделанным самим Миклухо-Маклаем, конструкция ее была иной¹⁹ — в виде свайной постройки из взятых на Таити досок и брезента. Для крыши были заготовлены сплетенные из листьев кокосовой пальмы циновки. У художника же жилище ученого больше напоминает традиционную русскую избу.

Известно, что в своих научных исследованиях Миклухо-Маклай придавал большое значение проблеме адаптации цивилизованного человека в первобытной среде. Для первых месяцев его пребывания на острове ха-

¹⁷ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 81.

¹⁸ Там же. С. 83—84.

¹⁹ Там же. Т. V. М.; Л., 1954. С. 47—49.

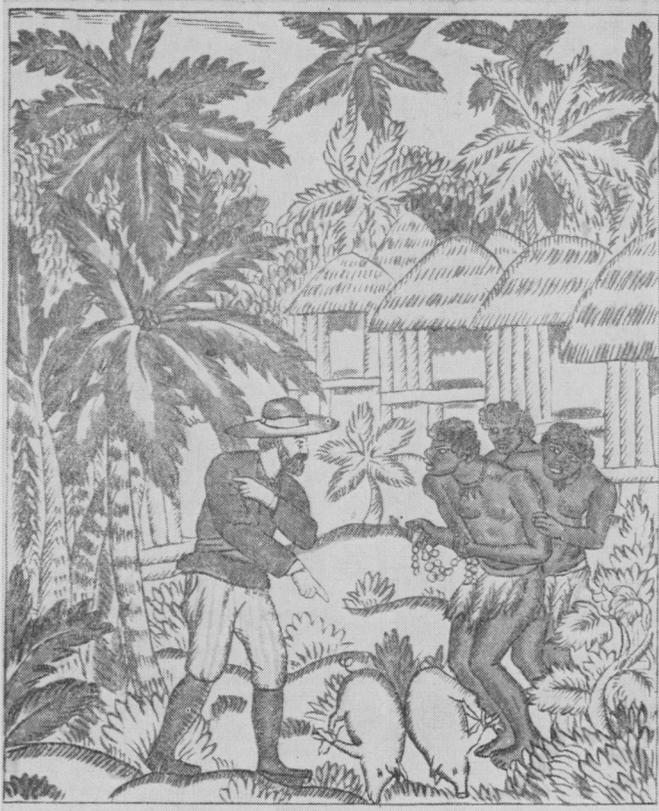

Рис. 2

рактельны отсутствие устойчивого взаимопонимания с местными жителями, их недоверие и враждебность: «... не раз потешались они, пуская стрелы так, что последние очень близко пролетали около моего лица и груди, приставляли свои тяжелые копья вокруг головы и даже подчас без церемоний сovali острие копий мне в рот или разжимали им зубы»²⁰. Именно эти напряженные моменты постарался показать художник как в картинках, так и в своем рассказе. На картинке 5 он верно отразил те испытания, которым подвергался ученый: «Миклуха терпеливо, спокойно все переносил, ходил всегда не вооруженный, и понемногу дикари к нему привыкли. Миклуха принялся изучать их язык, нравы, обычаи».

Далее в тексте к картинке 6 художник приводит достоверный факт, когда жители деревни Бонгу, где он жил, обратились к Миклухо-Маклаю с просьбой защитить их от вооруженных нападений обитателей соседней деревни Марагум²¹. Узнав о согласии ученого, «враги-соседи заробели и от нападения воздержались».

«Хотя дикие Миклуху обожали», но порой они сомневались в неземном происхождении своего белого друга, человека с луны — «каарам-тамо» и пытались установить, смертен ли он. «Мы хотим знать — можешь ли ты умереть как мы?», — читаем мы в тексте под картинкой 7.

В следующий раз, желая познакомиться с туземцами поближе, Миклухо-Маклай отправился в ближайшую деревню Горенду, но был встречен очень враждебно и неодобрительно. Для того чтобы показать свои миролюбивые намерения, ученый, недолго думая, высмотрел место в тени, притащил туда новую цыновку... и с громадным удовольствием растянулся

²⁰ Там же Т. I. С. 318.

²¹ Там же. С. 190—191.

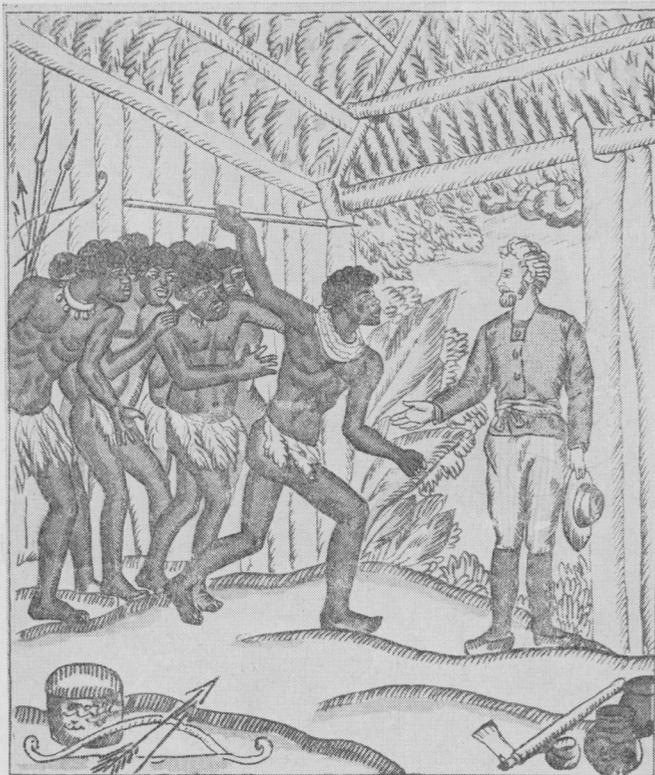

Рис. 3

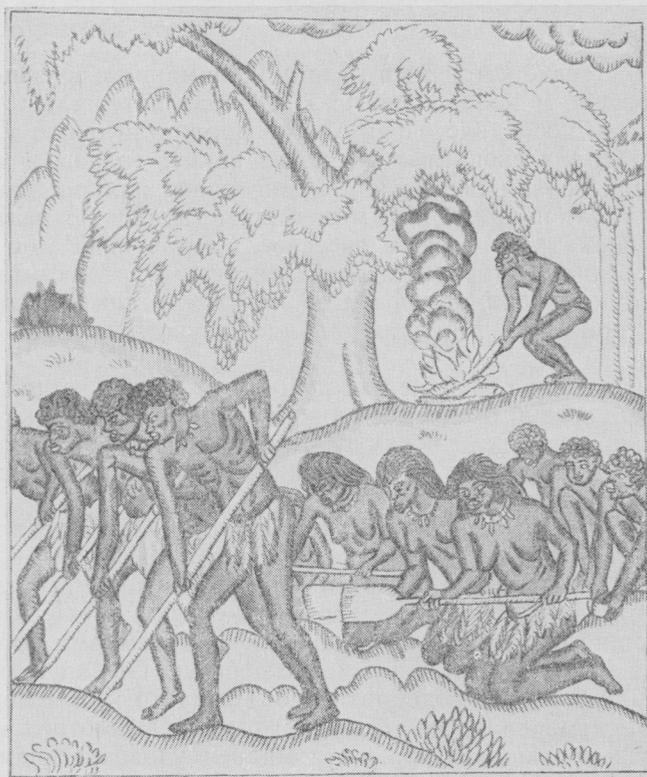

Рис. 4

на ней»²². Этот удивительный и беспрецедентный факт изобразил Куликов на картинке 8, хотя и слегка исказил события, написав, что ученый сам отправился к вождю этой деревни, повелев позвать к себе заговорщиков. Ведь, на самом деле только своей необыкновенной выдержкой и бесстрашием смог Миклухо-Маклай преодолеть настороженность папуасов и завоевать их доверие и симпатию. Именно поэтому Л. Н. Толстой, высоко отзываясь о научном и общественном подвиге ученого, в своем письме к нему писал: «Меня умиляет и приводит в восхищение в Вашей деятельности то, что сколько мне известно, Вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек, т. е. доброе общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И Вы доказали это подвигом истинного мужества, которое так редко встречается в нашем обществе, что люди нашего общества даже его не понимают»²³. Думается, что Куликов восхищался именно теми чертами характера ученого, которые лучше, чем кто-либо еще охарактеризовал выдающийся писатель. И его попытки представить в плакате наиболее интересные и остросюжетные факты первого путешествия ученого на Новую Гвинею можно считать удачными.

Известно, что сам Миклухо-Маклай в полевых условиях сделал огромное количество рисунков; среди них портреты коренных жителей, изображения их жилищ, орудий труда, одежды, украшений и т. д.²⁴ Куликов также пытался проиллюстрировать повседневный быт и обычаи папуасов: «Ходят голые. Топоры, стрелы, копья и другие орудия у них из камня, кости и дерева. Железа и других металлов не знают. Огонь добывать не умеют, а постоянно жгут костер, чтобы не остаться без огня» (текст к картинке 9).

В своих полевых дневниках Миклухо-Маклай зафиксировал «уникальный факт „палочно-мотыжного“ земледелия у папуасов, одним из первых обратив внимание на то, что в этом примитивном земледелии мужчина может занимать не менее важное место, чем женщина»²⁵. Разумеется, Куликов не претендовал на то, чтобы дополнить наблюдения, сделанные ученым²⁶, но попытался их проиллюстрировать. Так, на той же картинке 9 он изображает этот необычный способ обработки земли: в первом ряду идут мужчины с колыями (*удья*) и поднимают ими пласты земли; во втором — женщины, стоя на коленях, разбивают комья земли лопатами (*удья-саб*); сзади дети ползут и растирают землю руками. Надо помнить, что плакат Куликова предназначался прежде всего крестьянину, которому было интересно узнать о способах обработки земли и сельскохозяйственных орудиях труда, применяемых папуасами.

Погребальный обряд папуасов также был отмечен в наблюдениях и рисунках Миклухо-Маклая: «... выносят из хижины умершего, связанного ротангом, в положении человека, сидящего на корточках, с упертым подбородком и с руками, обхватывающими ноги... Труп завертывается в принесенные циновки и очень искусно и крепко увязывается ротангом и лианами, так что получается хорошо упакованный сверток. Привязав тук с покойником к крепкой палке, его относят обратно в хижину, палку прикрепляют под крышей хижины...»²⁷.

Художник позволил себе по-своему интерпретировать этот обряд и показал его с наивным реализмом, свойственным лубку. На картинке 10 посреди хижины изображен очаг, выложенный из огромных камней; дым темными клубами охватывает плетеную корзину, подвешенную к потолку. В ней в уродливо скорченной позе находится оплетенный пальмовыми

²² Там же. С. 98.

²³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 63. М.; Л., 1934. С. 378—379.

²⁴ Бутинов Н. А. Рисунки и коллекции Н. Н. Миклухо-Маклая//Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. V. М.; Л., 1954. С. 419—428.

²⁵ Рогинский Я. Я., Токарев С. А. Н. Н. Миклухо-Маклай как этнограф и антрополог. С. 725.

²⁶ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. III. Ч. I. М.; Л., 1951. С. 73—75.

²⁷ Там же. С. 87.

Рис. 5

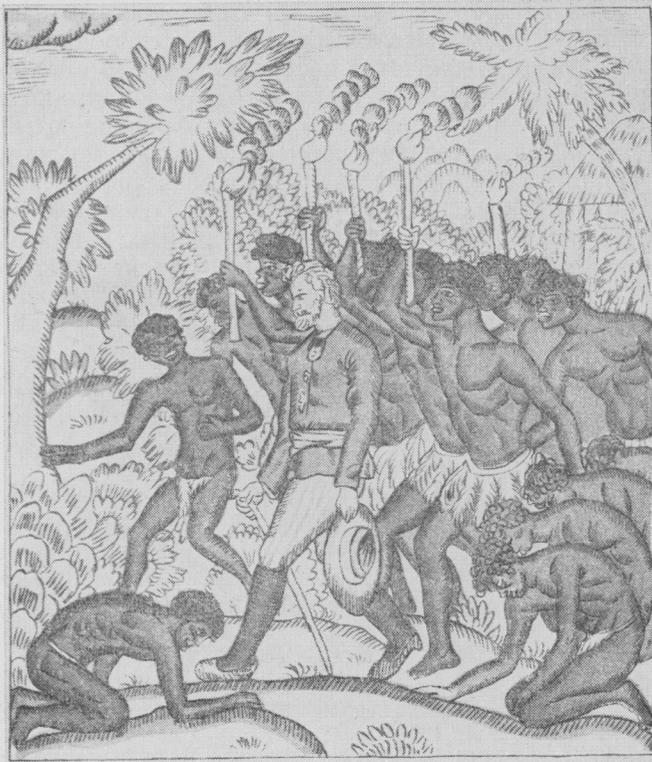

Рис. 6

ветками покойник. Его вдова поддерживает в очаге огонь с тем, чтобы тело высохло, «как вобла».

Почти 15 месяцев находился Миклухо-Маклай на острове, как правильно указывает художник в тексте к картинке 11. Один его слуга (Бой) умер, другой (Ульсон) лежал с тяжелым приступом тропической лихорадки. 19 декабря 1872 г. папуасы громкими криками: «Из моря в одном месте выходит дым» — известили ученого о появлении на горизонте корабля. Это прибыло снаряженное Русским географическим обществом судно «Изумруд» с целью забрать ученого на родину.

С большой выразительностью показывает художник сцену прощания Миклухо-Маклая с папуасами (на картинке 12). Как и было на самом деле, два дня и две ночи ученый ходил по деревням, окруженный большой толпой туземцев с факелами в руках. Местные жители просили его остаться, обещая в каждой деревне построить для него дом²⁸. В заключение Куликов сообщает информацию о последнем посещении острова ученым, о его тяжелой и продолжительной болезни, от которой он, по словам художника, умер в 1886 г. (в действительности — в 1888 г.). И, что особенно важно, он заканчивает свое увлекательное повествование примечательным фактом: берег на далеком острове Новая Гвинея стал называться в память русского ученого «Берегом Маклая».

Таким образом, плакат, с большим мастерством выполненный художником А. Е. Куликовым в красочной манере лубка, сообщает в целом достаточно достоверные сведения о первом пребывании Н. Н. Миклухо-Маклая на северо-восточном берегу Новой Гвинеи, поставившем его в ряд величайших путешественников прошлого столетия. Вместе с тем данное художественное произведение, созданное с просветительской целью, является интересным образцом использования традиций лубка, его своеобразной интерпретации в совершенно новом контексте.

²⁸ Там же. Т. I. С 310—312.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РУССКИЙ НА ОСТРОВЕ НОВАЯ ГВИНЕЯ

(В Центре). Этот человек, Николай Николаевич Миклуха-Маклай, родился в деревне Новгородской губ. Учился наукам в гимназии и университете в России и за границей. За морями в разных странах бывал. На неизвестном доколе острове Новая Гвинея среди диких людей, называемых папуасами, жил и, все изучая, описывал.

1. В 1871 году было ему, Миклухе, 23 года. Выпросил он у богатых ученых людей денег, в мае месяце сел на корабль и поплыл в дальние моря. Долго плыли. 8-го сентября, утром, подплыли к острову Новая Гвинея. Смотрят на берег: людей не видно, а растет густой лес, какой в жарких странах бывает, да горы выше облаков стоят. Ни один корабль белых людей не заходил сюда. Взял Миклуха-Маклай подзорную трубу и стал смотреть на берег, и вот видит:

2. Из леса вышли черные голые люди со своим начальником во главе, несут кокосовые орехи и двух рыжих собак. Кладут все это на землю и собак хотят резать. Догадался Миклуха, что дикари корабль приняли за чудище и хотят ему молиться. В это время из черной трубы корабля густым клубом вылетел пар, раздавался оглушительный свист; дикари бросили все, что принесли, замахали руками и, затыкая уши, разбежались по лесу.

3. Вышел Миклуха на берег, отыскал тропинку в лесу, пошел... Пришел на поляну, стоит ихняя деревня, а кругом пальмы растут и никого в ней, кроме сторожей, нет, и те, увидав его, бросились бежать. Миклуха знаками объяснил им, что он их не тронет, и показал бусы. Дикие люди залюбовались, подошли и, получивши, обрадовались. В расплату за это принесли двух свиней и положили у ног Миклухи. Он благодарил их и просил нести свиней к нему в лодку.

4. Хитростью и лаской заманил Миклуха двух дикарей на корабль: их пугало все, и дивились они всему очень. А когда увидели себя в зеркале — хохотали до упаду; потом их отпустили. Маклай решил поселиться на этом острове. Матросы сошли на берег, частицу леса вырубили и поставили Миклухе хижину, а перед хижинной уст-

роили солнечные часы. Капитан корабля дал ему лодку, в землю зарыли несколько бочек пороху, наделили съестными припасами. Двое — мальчик чернокожий да швед — остались при нем, а остальные распростились с Миклухой, расцеловались и вошли на корабль. Корабль задымился, тронулся и скрылся из глаз.

5. После отхода корабля дикари подозрительно и враждебно отнеслись к Маклаю. Кричали и показывали на море, как бы говоря: отправляйся туда, откуда пришел. Когда он подходил к деревне, то женщины и дети с криком убегали, а мужчины с оружием в руках обступали его, воинственно крича и рыкая. Мимо его лица пускали стрелы, вставляли острие копья ему в рот и насильно разжимали зубы... Маклай терпеливо, спокойно все переносил, ходил всегда не вооруженный, и понемногу дикари к нему привыкли. Миклуха принялся изучать их язык, нравы, обычаи.

6. И прослыл он среди них за необыкновенного человека. Однажды его хижину окружила толпа женщин с детьми, с ними старый старик. Когда Миклуха вышел к ним, старик объяснил ему, что с ихним племенем хотят воевать соседи, потому он просит Миклуху, чтобы тот дозволил женщинам с детьми во время битвы, побывать около своей хижины. Миклуха согласился. А когда враги-соседи узнали про это, — заробели и от нападения воздержались.

7. Хотя дикие Миклуху обожали, но все-таки пробовали его убить. Однажды, проходя деревню, Миклуха услышал в хижине шум. Вошел туда — народу много. Спорили о нем. Один сказал Маклаю: «Мы хотим знать — можешь ли ты умереть, как мы?» Сначала Миклуха не знал, что ответить, потом увидел на стене копье, снял его; подал дикарю, сказал: «Испробуй». Папуас замахнулся и ... повесил копье обратно, проговорив: «Если бы ты мог быть убитым, то не предложил бы нам такого испытания».

8. Другой раз Миклуха узнал, что жители одной деревни хотят его убить. Он тут же отправился к вождю этой деревни и велел позвать заговорщиков. Когда те пришли, он им и говорит: «Вот я ложусь спать, убивайте меня сонного, а как высплюсь, так силы у меня прибудет, и вам меня тогда не убить». Лег и заснул. Дикие люди убить его не решились.

9. Живут папуасы в диком состоянии. Ходят голые. Топоры, стрелы, копья и другие орудия у них из камня, кости и дерева. Железа и других металлов они не знают. Огонь добывать не умеют, а постоянно жгут костер, чтобы не остаться без огня. Землю обрабатывают так: мужчины впереди идут, кольями землю роют, за ними женщины, на коленях стоя, разбивают комья земли лопатами; сзади ползут дети и руками землю растирают.

10. А когда помрет человек, они в землю его не закапывают, а приводят тело его в сидячее положение, потом труп оплетают пальмовыми ветками в виде корзины и подвешивают к потолку. Под корзиной вдова покойного в течение трех недель поддерживает огонь, пока труп не высохнет, как вобла. А если помрет безродный, жечь огонь под ним некому, его зарывают в землю.

11. Прожил Миклуха на этом острове год и три месяца, припасы все вышли, слуги — один умер, другой болен лежит лихорадкой, и сам Миклуха тоже заболел ею. Крыша у хижины пропрела, а столбы под ней подъели муравьи. Просить диких людей пришлось, чтобы они ему построили хижину в горах. 19-го декабря 1872 г. пошел он в деревню насчет хижины... Навстречу ему бегут папуасы и кричат, что из моря в одном месте выходит дым. А это русский корабль прибыл за Миклухой. Тогда Маклай собрал свои записки и разные вещи и перенес на корабль.

12. Потом два дня и две ночи Маклай ходил по деревням, прощался с папуасами. Толпа дикарей с факелами его сопровождала. Они просили его остаться, обещая в каждой деревне выстроить по хижине. Уехав отсюда, Миклуха побывал еще на многих островах теплых морей. Посетил и Новую Гвинею, знакомые дикари встретили его с радостью. В 1886 г. он приехал в Петербург. От постоянной лихорадки здоровье его расстроилось, и он вскоре умер. Берег на далеком острове Новая Гвинея называется «Берег Маклая».